

Госпожа действительно не разочаровала его, прижалась к нему, обняла его лицо и начала целовать: веки, щеки, уголки губ. Её глаза стали влажными и мутными, а слова выходили невнятно:

— Я умоляю тебя, хорошо? Поцелуй меня...

Сун Чэнцин уже не мог сдерживаться. В этот момент, когда Фан Чжи нежно облизывал его, словно котенок, его сердце растаяло, став мягким, как вода. Одной рукой он поддерживал ягодицы Фан Чжи, а другой сжимал его затылок, наклонившись, чтобы поцеловать.

Фан Чжи, закончив свои нежные жалобы, сам высунул язык, чтобы его взяли в рот, тяжело дыша. Его целовали так, что каждый поцелуй проникал в самое сердце, и вскоре он, как котенок, ослабел, начав тихо плакать.

Откуда взялась эта привычка плакать от удовольствия? Сун Чэнцин вздохнул в душе, но всё равно обожал его в таком состоянии. Он прижал его к мягкому сиденью в карете и начал тщательно целовать, его сильные губы и язык проникали в рот, облизывая чувствительное нёбо. Фан Чжи открыл рот, беспомощно опустил уголки глаз, закрыв их и позволяя ему делать, что он хочет. Сун Чэнцин поднял голову и увидел эту изнеженную картину, сглотнул слюну и не смог удержаться, чтобы не расстегнуть застёжку на воротнике Фан Чжи.

Фан Чжи внезапно очнулся и схватил его руку, тихо сказав:

— Скоро мы пойдем гулять...

Намекая на то, что если сейчас всё испортить, то они опоздают. Сун Чэнцин был одновременно и раздражен, и смешон, недовольно сказав:

— Потом я тебя приведу в порядок!

Фан Чжи отпустил его руку и мягко обвился вокруг него:

— Я хочу обнять тебя.

Тогда он снова сел, посадив его к себе на колени, и начал целовать его белоснежную шею. Высококачественный шелк был гладким и мягким на ощупь, с прослойкой ваты внутри, что делало его еще более комфортным и приятным. Сун Чэнцин, оставляя следы на его шее, одной рукой начал расстегивать пуговицы. Когда они расстегнулись, открылся великолепный вид. Вспомнив, что в прошлый раз они слишком увлеклись, и они долгое время не были близки, сейчас его белоснежная грудь была нежной и гладкой, без следов прошлых синяков. Но вскоре Сун Чэнцин решил снова оставить свои следы на ней.

Фан Чжи мягко обнял его голову, а Сун Чэнцин взял в рот один из его сосков.

— Ах!

Коротко вскрикнул Фан Чжи, затем закрыл рот рукой, боясь, что его услышат снаружи. Но Сун Чэнцин не собирался отпускать его, продолжая сосать этот нежный участок, одной рукой сжимая окружающую его плоть, создавая мягкую, пухлую грудь. Фан Чжи, смущаясь, попытался оттолкнуть его руку, но тот проник под одежду и дотронулся до его бедра, от чего всё его тело ослабло.

Он начал невнятно стонать, не зная, просит ли он больше или меньше. Сун Чэнцин сам нашел

его вход, липкая жидкость покрыла его руку. Он поднял голову от его белоснежной груди и посмотрел на него с улыбкой. Фан Чжи, смущаясь, понял, что его сейчас будут дразнить, и первой реакцией было закрыть ему рот рукой, а затем прижаться губами к его губам, жалобно сказав:

— Не смейся...

Сун Чэнцин не сказал ни слова, просто лизнул ладонь Фан Чжи, от чего тот, почувствовав щекотку, убрал руку, а он тут же приблизился, чтобы поцеловать его. Фан Чжи покорно наклонился, позволив себя поцеловать, и только тогда Сун Чэнцин успокоился. Его рука уже медленно проникла внутрь, легонько двигаясь, и вскоре снизу послышался хлюпающий звук. Фан Чжи, сидя на коленях у Сун Чэнцина с раздвинутыми ногами, с растрепанной одеждой, позволил ему довести себя до состояния, когда его лицо покраснело, а глаза наполнились слезами, и всё еще недовольно выпячивал свою белоснежную грудь, прося поцелуев.

Сун Чэнцин, естественно, соглашался, наклоняясь, чтобы снова сосать его уже слегка покрасневшие соски, а большим пальцем с мозолями начал тереть его клитор, заставляя Фан Чжи дрожать на его коленях, едва не падая.

Сун Чэнцин поцеловал его:

— Хороший, обними меня крепче, не падай.

Фан Чжи покорно обнял его за шею, несколько маленьких зубов вцепились в его нижнюю губу, и он начал тихо плакать:

— Мм, ах!... Ах... ммм...

Он уже не мог разобрать, что происходит, чувствуя, как та рука, которая доставляла ему удовольствие, продолжала нажимать на то самое место. Его клитор уже опух, став розовым и выступающим между толстыми губами. Вход во влагалище был пронизан тремя пальцами, постепенно становясь ярко-красным, а липкая жидкость стекала по руке Сун Чэнцина.

— Почему так много воды? А? Тебе хорошо?

Фан Чжи, обняв его, тихо плакал, вероятно, от удовольствия, прижимаясь к его щеке и кивая. Сун Чэнцин наклонился, чтобы поцеловать его, и похвалил:

— Хороший мальчик, наш маленький Чжи самый послушный... правда?

Его рука ускорила, и несколько пальцев вот-вот доведут его до предела. Фан Чжи полностью ослаб, и, не удержавшись, случайно сел, что позволило пальцу проникнуть глубже, а грубый большой палец резко прошелся по нежному клитору.

— Ах!... Ах!... Мм!... Не надо...

Слезы потекли из глаз Фан Чжи, а из его влагалища хлынула горячая жидкость, заливая ладонь Сун Чэнцина, а его член начал пульсировать, извергая семя.

Сун Чэнцин, наклонив голову, с сожалением лизнул его твердые соски, вынул руку из Фан Чжи и вытер её чистым платком, затем тщательно одел его и застегнул пуговицы. Фан Чжи, находясь в полубессознательном состоянии, позволил ему это сделать, его нижняя губа была укушена, и на ней появилась кровь. Сун Чэнцин приблизился, чтобы поцеловать его, с легкой

болью:

— В следующий раз не кусай так сильно...

Фан Чжи пришел в себя, тихо икнул, кивнул и протянул руки, чтобы его обняли. Сун Чэнцин обнял его, успокаивая, и, вынув платок, нежно вытер его между ног. Когда он коснулся клитора, Фан Чжи слегка затрясся, из его рта вырвался стон, и он крепче обнял Сун Чэнцина.

Сун Чэнцин обнял его, нежно целуя его щеки, и, когда он очнулся от оргазма, подумал, что только он может дать ему такие ощущения, и в его сердце поднялась волна тепла.

Фан Чжи пошевелил ягодицами, и твердый член Сун Чэнцина упирался в него, заставляя его покраснеть, и он, со слезами на глазах, посмотрел на него. Сун Чэнцин поцеловал его, целуя его губы, невнятно сказав:

— Если ты уже не можешь терпеть, что будет, когда мы начнем по-настоящему? Вечером я тебя приведу в порядок, изнеженный.

Хотя на словах он так говорил, в душе он очень любил его, желая, чтобы он был еще более изнеженным, чтобы он при каждом прикосновении требовал его, чтобы он приходил от простого прикосновения рук. Такого человека хотелось спрятать, чтобы он мог целовать только его, чтобы он целыми днями только ему и жаловался.

Думая о том, что им будет удобнее гулять, он выбрал более простую карету, не такую, как в прошлый раз, когда он забирал его, когда всё было подготовлено. В конце концов, он не хотел делать это здесь.

Он продолжал целовать и кусать его губы, пока они не стали еще более красными, и только тогда отпустил его. Каждый раз, видя, как Фан Чжи, с опухшими губами, смотрит на него, он чувствовал странное удовлетворение.

Фан Чжи теперь был в сознании и мягко ответил:

— Не буду тебя приводить в порядок.

Сун Чэнцин засмеялся, и они, прижавшись лбами, нежно поцеловались.

— Не будешь приводить в порядок? Посмотрим, как я тебя вечером приведу в порядок... изнеженный...

Фан Чжи засмеялся, словно сам почувствовал неловкость, смеясь, он прижался к его груди и ущипнул Сун Чэнцина за щеку, фыркнув, показывая, что на самом деле он не согласен с его словами.

Сун Чэнцин подставил ему щеку, чтобы он ущипнул, и, вытянув губы, невнятно попросил:

— Поцелуй меня еще раз...

Фан Чжи не дал, отвернулся, смеясь, но в конце концов его схватили за затылок и поцеловали до слез. Весь день они провели, гуляя по ресторанам и рынкам, накормив Фан Чжи до отвала, и только когда он, жалобно потирая живот, сказал, что больше не может, они остановились.

[Эта глава от того, кто захотел слоек с чаем Лунцзин. Ребята! Слойки с чаем Лунцзин действительно вкусные, не слишком сладкие, с насыщенным ароматом чая, попробуйте их!

Они оставляют незабываемое послевкусие!]

[Честно говоря, я хочу Фан Чжи.

Сун Чэнцин: слегка напрягся.]

<http://bllate.org/book/16757/1540576>